

Нина Яюдинцева

г. Челябинск

Отцам и детям

Материнско-культурологическое эссе

В самой формулировке вечной проблемы отцов и детей есть отчётливо выраженный гендерный акцент: речь прежде всего идёт о мужском наследовании смысла, опыта, власти, права действовать. И здесь неизбежно присутствуют болезненно обострённые коллизии утраты-обретения силы, признания-отрицания опыта, передачи-приёма (а часто и потери-захвата) власти, связанные неизбежно с отцовской-сыновней любовью и ревностью. Ничего не поделаешь – таков мужской мир. В его бытовой конкретике перечисленные коллизии естественно отягощаются самолюбием, а в литературе – ещё и нормальным творческим эгоизмом.

Но если процесс смены поколений – это всегда в известной степени драма, то ситуация, когда преемственность по каким-либо причинам прерывается, – безусловно, трагедия. И потому, возможно, стоило бы, наконец, включить в обсуждение проблемы взгляд женский, материнский, ибо материнское чувство к детям так же, как и отцовское, исполнено любви, но по самой своей природе свободно от соперничества и ревности (тут, конечно, ассоциативно возникает гендерно-смысловая линия «дочки-матери», но она гораздо более личностна, чем социальна, бытова, чем бытийна, и потому в наших размышлениях ей пока возможно пренебречь).

Литературный процесс при этом мы будем рассматривать не как нечто умозрительное, такую самодостаточную самоцель, один из привычных и только потому необходимых атрибутов социально-культурной жизни, а как форму драгоценной общественно значимой рефлексии, актуального целостного осмысления мира и человека в нём. Непрерывность, степень интенсивности самого литературного процесса – и возможности взлёта к вершинам духа в этой рефлексии взаимообусловлены.

Смена литературных поколений происходит сегодня в условиях экстремальных: помимо основных проблем передачи опыта существует ещё целый ряд вроде бы второстепенных факторов, каждый из которых при определённом повороте событий может оказаться решающим по отношению к дальнейшей судьбе литературы. И потому в нынешней точке, как сейчас говорят, полифуркации нельзя выпускать из поля зрения некоторые нюансы, факторы, на первый взгляд, не столь значительные, но могущие «выстрелить» неожиданно мощно.

Рассматривать их действие возможно только в рамках широкого обобщения, поэтому конкретных «имён, явок и паролей» приводить смысла нет. В обобщении практически не учитывается и довольно существенная разница в насыщенности литературного процесса в столицах и в регионах – но мы помним, что именно региональные литературные процессы питают и поддерживают активность столичной литературной жизни, а «точками кристаллизации» в них по-прежнему остаются писательские организации Союза писателей России.

1. Общезначимые социальные факторы

Демографическая дыра

В условиях радикальных социально-культурных трансформаций из литературного процесса выпала большая часть рождённых в 1960-е (по неофициальной статистике, в этом поколении выжил каждый пятый – а в литературе счёт ещё страшнее, но многие и просто не пришли в неё, так как прожить литературным трудом стало невозможно); та же участь постигла рождённых в 1970-е: жертв и «непришедших» там оказалось едва ли не больше.

Отсутствие «социальных ниш» для полноценной профессиональной литературной деятельности привело к тому, что литература стала преимущественно занятием «для души», для самовыражения, т. е. по факту отнесена к хобби. Соответственно, к ней массово подтянулись те, кто «может позволить» себе подобное хобби. Подавляющее большинство из них уже вышло на заслуженный отдых и вспомнило о мечтах, которые не сбылись в суровые девяностые. Отдельную яркую, но немногочисленную группу составили те, кто написать может не очень, а заплатить – да. Это всё сказалось и на общем литературном деле, и на ситуации в ослабленных писательских ячейках.

«Демографическая дыра» литературного процесса очевидна сегодня во многих писательских организациях. Она, конечно, восполнима, но есть очень тревожный момент: утрата общего языка неизбежно влечёт за собой трудности взаимопонимания и общения далековато отстоящих друг от друга поколений.

Резкая смена идеологии

Идеология всегда была производной от главной, центральной социальной идеи – системой функциональных мыслеформ, адаптирующих содержание самой идеи к массовому восприятию, обозначающих её различные социальные модификации. Идеология во многом определяет социальную основу личности. А мы знаем, что социальная основа личности – та её часть, которая формируется на всю жизнь и практически не изменяется.

И потому сегодня беспощадно сталкиваются, громяхая бронёй формулировок, жёсткие идеологемы советского периода (советские-антисоветские), хищные – разрушительных 1990-х (роковых-«святых»), и начала XXI века (тут крайности не обозначены, т. к. идеология замаскирована, лишена явных форм манифестации и опознаётся в частных проявлениях, зачастую прямо противоречащих, но при этом не противостоящих друг другу. Вот, например, свобода и толерантность – они ведь по сути несовместимы, но кого это сегодня смущает?).

Здесь должен возникнуть закономерный вопрос – а как же объединяющая роль православия, это ведь тоже в каком-то смысле идеология? Ответ неутешителен и здесь: место любой стройной системы взаимосвязанных идеологем уже прочно занято пост-постмодернистским манипулятивным инструментарием.

Имея в виду «демографическую дыру» литературного процесса, можно констатировать: социальная основа «отцов» – жёсткая поляризованная идеология, а вот «дети» социально сформировались уже в условиях идеологии скрытой, манипулятивно-противоречивой. Нет перехода, нет базы даже для принятия-отторжения, есть крайнее удивление друг другу и стремление либо навязать свои установки («отцы»), либо молча выйти из зоны взаимонепонимания и дискомфорта («дети»).

Радикальное изменение общественной роли литературы

То поколение, которое стремится передать эстафету молодым, исходит из убеждения, что литература – дело государственное. Соответственно, оно должно поддерживаться государством и работать на его развитие и укрепление (а в антисоветском изводе – работать на ослабление и разрушение государства и, соответственно, им преследоваться).

Но социальная роль литературы сегодня сведена на нет до такой степени, что даже и по-

всеместный призыв «читать!» практически не предлагает ориентиров, напоминая древний одесский анекдот: «Жора, Жора, жарь рыбу! – А где рыба? – Жора, ты жарь, рыба будет!». Читайте, короче, букочки группками, и будет вам счастье. И потому молодёжь вынужденно ориентируется на иные цели, находящиеся в зоне ближайшей видимости: литература как способ заработка (в ответ на запрос рынка), литература-досуг (бесчисленные молодёжные литтусовки и фесты), литература-шоу с эстрадными ужимками и непременным лихим чёсом по городам и весям (эстрадно-коммерческое направление, сюда же относятся пресловутые баттлы и слэмы), литература как убежище от реальности – и т. п.

В последние годы стала частью рынка и массовая литературная учёба – а почему бы за хорошие деньги не наобещать писательского успеха и славы жаждущим? (Кстати, вот пример из практики некоторых интернет-курсов: «Оксюморон является стилистической ошибкой. Проверьте ваши произведения на наличие оксюморонов и исправьте ошибки». И ведь исправят, ежели найдут!)

Идея литературы как служения в этом пёстром калейдоскопе практически неразличима и может возникнуть разве что интуитивно, но удержать её в фокусе внимания будет трудно.

2. Внутрилитературные факторы

Атомизация литературной среды

Мы уже много писали о том, что литературная жизнь сегодня рассыпана на тусовки и междусобойчики. Это, в общем-то, нормально и даже способствует развитию, если есть общее поле диалога. Но может стать и гибельным, если диалога нет. Тревожно, что атомизация продолжается. Да, точки кристаллизации вроде бы возникают, но среда становится всё более культурно разреженной – и общий диалог последовательно вытесняется бесконечными внутренними монологами.

И вот ведь парадокс: по всей стране вкладываются огромные усилия в проведение фестивалей, конференций, книжных ярмарок, публичных выступлений – но даже эти формы массовой работы либо потихоньку вытесняют литературное общение и собственно литературу, заменяя её на различного рода шоу, либо включают в себя такую долю вопиющей литературной самостоятельности, что обесмысливают всю работу в целом. Пожалуй, только форма творческих семинаров ещё работает в полную силу, но и она постепенно снижает уровень содержания.

Вполне в русле атомизации литературной жизни разворачивается деятельность многочисленных новодельных «союзов писателей», за хорошие деньги обслуживающих амбиции и аппетиты литературной самостоятельности. Юридически все подобные сообщества равноправны, но некоторые постепенно становятся «равнее других», поскольку более успешно используют первобытные законы рынка. Понятно желание профессионалов дистанцироваться от балагана, но ведь это опять работает на рассыпание...

Что делают в этой ситуации «отцы»? Они, естественно, стараются ужесточить дисциплину внутри профессионального сообщества и тем самым консолидировать его – а как иначе сохранить-то? «Дети» реагируют столь же естественно: они выбирают свободу. Тем более что идея служения отодвинута на задний план, ремесло литератора не кормит – ну и кто тут кому что должен?

Состояние иерархии

В общем и целом понятно, что в такой обстановке любая иерархия – ценностно-смысловая, творческая, административная – становится напрямую объектом агрессии и существует под постоянной угрозой обрушения. А что такое иерархия? Это, с одной стороны, итог деятельности предыдущего поколения, а с другой – лестница, по ступенькам которой можно подниматься в развитии следующему поколению. Ну или снести её вообще и не париться.

Стратегия «отцов» в этом вопросе – сохранение иерархии (творческой – и административной для писательских организаций) всеми доступными средствами, ибо для них она ещё и результат огромных собственных усилий, вложенного труда, знак определённого личного жизненного успеха. А «дети»? Им нужны либо абсолютные гарантии надёжности «лестницы» (и это здраво, им же на неё подниматься), либо права на утверждение новой иерархии (что тоже, в общем-то, вполне логично).

Состояние литературной традиции

Традицию мы понимаем как драгоценный нравственный опыт, обеспечивающий выживание и развитие народа. Опыт накапливается в ядре традиции, а её периферия может свободно трансформироваться – адаптироваться, вырабатывать новые формы для неизменного содержания и разрушать старые. Эпоха постмодерна (а теперь уже и пост-постмодерна), испытывая серьёзные проблемы с содержанием (пустышка, говоря проще), отдаёт первенство формам. Формы множатся, вызывая восторг почтеннейшей публики, и содержательной частью литпроцесса становится бессмысленное формотворчество.

Как реагируют «отцы»? Уповают на жёсткость смысловых конструкций подручных идеологов: должно быть так, а не иначе. А кто против – того на колени в угол на горох. «Детям» весело и немножко страшно: ну просто долгожданный праздник непослушания! Но и те, и другие реагируют преимущественно на форму, а не на содержание – так эпоха берёт своё!

3. Литературная учёба

Из всего вышеизложенного понятно, что на самом деле понятного немного. Но уже пора переходить к главному вопросу: как передать отцов к детям жизненно важный опыт – в отсутствие связующих поколений (здесь не о персоналиях, а именно о поколениях, рождённых в 60–70-е, крайне малочисленных в литпроцессе), резкой смены идеологии, радикального изменения общественной роли литературы, атомизации литпроцесса, разрушения творческой (а по сути – ценностно-смысловой) иерархии и отрицания литературной традиции?

Понятно, что работа должна идти на двух уровнях одновременно: нужно разворачивать как массово-просветительскую деятельность (по сути, это воспитание квалифицированных читателей, будущих собеседников, и оно сегодня идёт широко и активно), так и выборочную профессиональную учёбу.

Мы не будем здесь вести речь о Литературном институте – он даёт прекрасное системное образование, и автор эссе, будучи выпускником этого вуза, через всю жизнь пронёс благодарность за бесценный опыт. Сейчас мы говорим об учёбе несколько иного рода, если хотите, иного уровня – глубоко погружённой в практику, неразрывной с ней, и эта учёба, по сути, начинается уже после Литинститута, если выпадет-таки счастье в нём учиться.

В основном массовую просветительскую работу выполняют сегодня многочисленные местные и региональные семинары молодых литераторов. Охват у них достаточно большой (например, мы в Челябинске собираем уже на протяжении 10 лет более 120 авторов – от начинающих до активно публикующихся). И здесь вопросов, в общем-то, нет, кроме одного: системной поддержки на местах – как от писательских организаций, так и от администрации. Педагогические технологии достаточно просты и понятны. В молодости пишут почти все – и это хороший шанс для формирования широкого круга так или иначе причастных к литературе. Результативность таких семинаров частью включает в себя и профессиональный аспект – при наличии возможностей продолжения учёбы уже профессиональной.

В последние годы благодаря целенаправленной деятельности Совета молодых литераторов Союза писателей России сфера профессиональной учёбы выделилась из массово-просветительской, но пока ещё она находится в стадии активного поиска и формирования. И если с просветительской работой в принципе всё ясно – это вовлечение молодёжи в сферу литера-

турного общения, изучение азов литмастерства, первый серьёзный отклик на несовершенные пока ещё творения начинающих, поиск и поддержка молодых талантов, – то в области профессиональной учёбы все перечисленные в начале эссе общекультурные и литературные факторы неизбежно вызывают яростные дискуссии. И первый вопрос, с которым лоб в лоб сталкивается молодёжь, – право голоса и право действия.

Вечная молодость

С какого момента молодой писатель становится просто писателем – тогда, когда серьёзно заявляет о себе в литературе? По логике, да. Но при том возрастном разрыве, который существует сегодня в писательских организациях, «в молодых» держат слишком долго. А между тем, даже несмотря на специфику профессии, требующей накопления духовного опыта, нормальный процесс взросления выглядит следующим образом: 30–35 лет – возраст обретения духовного совершеннолетия, далее должна происходить концентрация индивидуального духовного опыта. 40–45 лет – переход в драгоценный возраст силы, возраст прямого действия, который к 55–60 годам должен стать опытом и основой для иного качества силы – духовного, действие этой силы более мягко, опосредовано, но более широко и мощно. И если настойчиво притормаживать тридцатилетних – в итоге они либо просто откажутся от «отцовского» опыта и очень дорогой ценой обретут свой, либо останутся безнадёжными инфантилами.

Опыт другой эпохи

Вопрос «что передавать?» ещё более серьёзен.

Легче всего передать форму – обучить ей и требовать её соблюдения, а также распознать по её употреблению «своих» и «чужих». Что, собственно, и делается на уровне массовой литературной учёбы молодёжи, откуда уже разбегаются и создают свои тусовки «верлибристи», те, кто пишет без запятых и прочие оригиналы. Не забывайте только, что потом (да уже сейчас!) они яростно предъявляют свои права на литературу!

О ситуации с идеологией мы уже писали. Жёсткие идеологические формы, которые кажутся простыми и надёжными старшему поколению, сегодня просто нежизнеспособны. Признать это страшно, но ничего не поделаешь. Их время ушло. Возможно, после туманно-противоречивой, но откровенно манипулятивной современной идеологии снова наступит период жёстких форм, но они будут уже совершенно другими. Сейчас поля взаимопонимания здесь нет. Хотя, впрочем, уже появились молодые авторы, на голубом глазу заявляющие, что им нужен не союз профессионалов, а союз единомышленников, а уровень профессионализма, в принципе, не так уж и важен.

Единственный профессиональный опыт, который является неизменным основанием русской литературы и даёт серьёзную надежду на взаимопонимание, – это нравственный опыт. И передаётся он не обучением чему-то конкретно-формальному, а в доверительных беседах-обсуждениях произведений и старшего, и молодого поколений. Свойство литературы таково, что вертикаль смысла выстраивается через все уровни текста – от звукописи до идеи, и каждый приём, оставаясь приёмом (от знаков препинания до способа организации сюжета), становится носителем смысла.

Но для таких профессиональных бесед-семинаров кроме безусловного профессионализма нужна очень высокая степень взаимного доверия. Есть ли она? См. выше. Будет ли она? Остаётся только надеяться.

Задание на завтра

Что предстоит молодым – с нашей помощью или без неё? Во-первых, конечно, – быть. Реализовать себя по максимуму. Так или иначе социальные ниши, позволяющие серьёзно заниматься литературной работой, появляются, количество их увеличивается – неизвестно, надолго ли, но хочется наивно верить, что да.

Во-вторых, адаптировать опыт, национальную литературную традицию к новым условиям. Это вопрос не столько поиска форм, сколько осмысления «отцовского» противостояния культурной агрессии, разрушению, небытию. Есть поколения победителей, но есть и поколения, принимающие на себя первый удар. Чтобы «дети» состоялись как победители (а шанс у них, безусловно, есть), нужен «отцовский» опыт противостояния расчеловечиванию, со всеми его горькими ошибками, поражениями и – вопреки всему – самостояния.

В-третьих, подхватить уже практически оформившийся культурный запрос на новую литературную иерархию, которую тщетно пытались в последние годы выстроить «отцы». У них не получилось, потому что по большому счёту это уже задача «детей» – «детям» и выстраивать иерархию заново.

В-четвёртых (по сути, в итоге), сберечь и укрепить Союз писателей как хорошо организованную, системно выстроенную силу, сознательно противостоящую хорошо организованной, системно выстроенной агрессии расчеловечивания. Время одиночек прошло – может быть, оно ещё и наступит когда-нибудь, но явно не скоро.

Двойки в дневник

Хотелось бы обозначить и типичные «детские» ошибки, которые теперь уже видны невооружённым глазом. Часть из них запрограммирована «отцовским» опытом, часть изобретается авторами самолично.

К запрограммированным можно, в частности, отнести извечную привычку больше «праздновать» обнаруженный и признанный талант, а не отрабатывать его по-честному. Проблемы со спиртным и прочими допингами в молодёжной среде, кажется, вечны. С одной стороны, понятно: творческое напряжение – это высокое напряжение, нужна и разрядка. С другой – на глазах запускаются разрушительные процессы, у многих – на всю жизнь, для некоторых – стремительно приводящие к гибели.

Практически запрограммировано подростковое по сути самоутверждение за счёт отрицания «отцовского» опыта – все это в той или иной мере проходили, но сегодня обстановка подогревается тотальной модой на самовыражение и обилием новых форм для него (при этом понятно, откуда и зачем они берутся и каково их содержание). Литературная работа сугубо индивидуальна, но результат её становится значимым только при наличии общего литературного пространства, живого процесса общения, выработки коллективных ориентиров.

Запрограммированы и различные формы эпатажа: путь к творческому признанию всегда довольно долог и рискован, а вот заявить о себе скандалом или, наоборот, подыскать себе местечко в административной структуре и компенсировать творческую несостоятельность бурным административным восторгом – самое то. Что, собственно, мы нередко наблюдаем.

Но самую большую, жирную двойку хочется вклеить в воображаемый дневник тем из «детей», кто наивно думает, что мы живём в благополучное время широких возможностей, и можно позволить себе если не всё, то многое. Периоды относительного социального затишья – именно те периоды, когда скрытно ослабляются, подтачиваются, подменяются основополагающие понятия, опоры, смыслы. А явным всё это становится только в кризисные моменты, в прямых атаках. Поэтому если мы хотим сохранить свою культуру, литературу – национальную жизнь, человеческое в человеке в конечном итоге – нельзя забывать, что главное происходит здесь и сейчас.

Короткая реплика в сторону «отцов»

Легко, конечно, не будет. Ни «детям», ни нам. Им, прекрасно самоуверенным, думается, что всё сбудется. Нам тоже когда-то так казалось. Сбылось – но по-другому. Большими усилиями. С огромными потерями. Бесценный опыт нескольких писательских поколений, переживших социальную катастрофу и культурную вакханалию, сохранивших традицию и сохранивших Союз писателей России, нужно передавать поколению, которое должно стать поколением победителей. Они ничего не должны нам – это мы должны им, чтобы мы все – были.